

Борис ГОЛОДНИЦКИЙ: Я обязательно надену шляпу

- Смотришь на лестницу камерного – ведь символично: Голодницкому пятьдесят пять, но его путь к театру и теперь в лесах. Когда-нибудь было по-другому? Чтобы по широким ступеням и без запинок.

- Только на эскизах. В жизни я никогда не взлетал легко: да, удачи были, но обязательно связанные с «пахотой». Когда поступал в алма-атинский театрально-художественный институт, сдавал и рисунок, и живопись. С утра до обеда рисуешь, с обеда до вечера пишешь – и так три дня. Под конец второго – Казахстан, солнце жаркое-жаркое – вся палитра уже в поту: вспоминаю эту воду на масляных красках, они даже не смешивались. Наверное, в этом образе вся моя жизнь.

Плюнул я на Москву – и поехал в Севастополь, куда Юра привёз и мою супругу.

- А сколько-нибудь счастья в этом образе есть?

- Да сплошное счастье. Счастье на каждой ступени: Алма-Ата – это постижение профессии. Просто до безумия: учёба, работа... Представляешь, когда поступал, мне не нашлось места в общепитии, поэтому два дня жил на автовокзале. Прихожу туда вечером после экзаменов, с этюдником, эскизами. Сидит какой-то человек: «Ты художник?» – «Да, поступаю в театрально-художественное» – «А я режиссёр, приехал в театр Лермонтова». Через несколько месяцев вместе с Юрием Костенко мы уже делали «Тему с вариациями» Алёшина, через несколько недель после премьеры я уже главный художник лермонтовского театра. Ещё позже Юра сложил наши с Олей судьбы.

- Подождите, вы же вроде бы не Алма-Ату, а Севастополь всегда благодарили за любовь.

- Как раз когда я получал диплом, Костенко принял севастопольский театр – звонит, предлагает ехать к нему. А у меня предложение из Москвы: Юрий Шерлинг зовёт главным художником в свой Камерный театр. Они тогда делали первые рок-оперы, в «Олимпийский» на них не попасть было. Объясняю это всё Костенко, а он в ответ: «Ты друга предашь?». Плюнул я на Москву – и поехал в Севастополь, куда Юра привёз и мою супругу. Так что Севастополь – это Оля. Первая Кострома – это Стас, мы крестили его в церкви на Дебре. Кострома вторая – конечно, театр: мне тридцать восемь, я почти мальчик, и вдруг получаю собственное...

Если бы сегодня мне снова дали «Дружбу», я бы взял.

- И не только вы: муниципальные театр, галерея и оркестр разом – городу со старинным театром, почтенным музеем и филармонией в годах Коробов вдруг подарил новую культуру. Получилась борьба?

- Даже думать не хочу о конфликтности, честно. Единственное, что понимаю: ежегодно ставить Островского не буду. Мы с супругой выбрали свой путь – строили театр романтики. И камерный театр будет жить по романтическим законам, пока жив его лидер.

- Кстати о лидерстве: костромичи ходят «в театр Островского» или «в театр Голодницкого». Вы и Островский – лестно?

- С одной стороны, лестно: театр –

До юбилея неделя, но к Голодницкому не прорваться: не поздравительная толчея в кабинете – на лестнице капитальный ремонт. Рисковую для Костромы театральную стройку семнадцать лет назад он поклялся продолжать и в радости, и в горе. Когда в октябре 2014-го они сошлись (пятьдесят пять со дня собственного рождения и год со дня смерти жены – все в эти дни), худрук камерного остался верен клятве. Беда позади – по новым ступеням Борис Голодницкий шагает вперед. К театру своей мечты.

мой. Да, это зальчик – по-другому не назовёшь. Но мы облюбовали это пространство, я знаю его до пяди. Сделали новый свет, звук и платформы зрительного зала, и балконы, и гримировочные – на это ушло семнадцать лет. Но через семнадцать лет после создания театра я потерял жену...

- Театр – именно камерный – в чём-то виноват?

- Если бы Оля осталась просто актрисой, всё, наверное, могло бы сложиться иначе. Недавно Борис Константинович Коробов говорит: «Я вспоминаю, как чёрным льном вы закрыли весь бетон «Дружбы». Представляешь? На первые заработанные деньги мы создавали в «Дружбе» отопление. Потому что это был кинотеатр: туда входили в пальто и выходили оттуда в пальто. И у нас была одна швейная машинка, на которой создавались все костюмы.

- Но одна машинка не отменяла

В театре моей мечты сто пятьдесят мест и катающееся пространство.

Да, это зальчик – по-другому не назовёшь. Но мы облюбовали это пространство, я знаю его до пяди.

миллионов идей. Когда «дружбowski» проект накрылся, чего лишилась Кострома?

- Пока Иосиф Шефтелевич Шевелёв в течение трёх лет создавал этот проект, уже было ясно, что получится «не такой» театр – исходя из самого пространства. Я должен был водить зрителя, как экскурсовод: первый акт мы планировали показывать в одном зале, а второй в другом. А ещё должна была быть сцена-скрипка... Когда проект выставили на показ, город понял, что реализовать его не удастся.

- А там до сих пор ничего не реализовалось: ни кино, ни паб. Может быть, театр в «Дружбе» – всё-таки судьба?

- Если бы сегодня мне снова дали «Дружбу», я бы взял. Потому что уже накопил опыт в построении сценических пространств.

Раньше был рафинированно-эфемерным, летал в эскизах, а теперь всё ощущаю очень жёстко.

- В каком пространстве Голодницкому-художнику комфортнее: в собственном камерном или в Московском Кремле и нью-йоркском Карнеги-холле – вы же и в них работали?

- Когда сцена больше тридцати шести метров в ширину и в высоту двадцать метров – это глобальные ощущения. После них в камерном театре не просто тесно – очень сложно. Очень сложно придумать динамичный образ в пространстве, которое априори не готово к трансформациям. В театре моей мечты сто пятьдесят мест и катающееся пространство – по-другому я сейчас не воспринимаю этот театр. И ещё при нём могла бы быть минигостиница, куда бы приезжали известные артисты.

- Вы ведь давно заговариваете о спектаклях с Калныньшем, Аликой Смеховой. Друзья из вашего кинош-

Мы с супругой выбрали свой путь – строили театр романтики.

ного прошлого реально могут появиться в театральном настоящем?

- Могут. На Ялтинской киностудии и на «Ленфильме» я сделал немало работ и знакомств тоже завёл немало. А потом, у Стаса много друзей-актёров в столице. И теперь пришло его режиссёрское время: пройдя хорошую актёрскую школу в Москве, увидев там глобальные постановки, он готов развиваться.

- Стас стал жёстче?

- Жёстче стал я. Раньше был рафинированно-эфемерным, летал в эскизах, а теперь всё ощущаю очень жёстко. Поэтому люблю злободневный театр, театр кричащий. Люблю поскабрезничать и поиздеваться над временем – в этом рождались «Нелегалка» и «Козлёнок в молоке». А Стас после ухода мамы повзрослел. Когда я увидел «Нас обвенчает прилив», вышел на сцену и сказал: «Поздравляю всех с рождением нового спектакля и главного режиссёра». Очень бы хотелось, чтобы он пошёл дальше. А я, пока есть силы, буду рядом – наша семья всегда строилась на собачьей привязанности.

- Как же первый день рождения без Ольги Евгеньевны?

- Знаешь, а я надену шляпу, которую она мне успела подарить. В прошлом октябре Оля вдруг сказала: «Боже, ты ходишь в таком пальто! Я хочу, чтобы у тебя было хорошее кашемировое пальто». И купила – роскошное пальто и роскошную шляпу. А я не успел купить последний подарок, хотя уже знал, что подарю.

- Каких-то подарков еще ждете?

- Во Фрунзенском художественном училище у меня была педагог – хиромант или кто? – которая по руке гадала. Как-то посмотрела на мою руку: «Знаешь, у тебя будет всё. Но поздно». Я долго не вспоминал этот случай – до недавнего времени. До того момента, когда камерный театр стал самодостаточным. Я больше не хочу и не прошу: «Дайте мне денег!», я знаю, как заработать. И могу ставить то, что хочу: «Амадея» Шеффера столько лет всё откладывал, откладывал... Наконец (и это подарок) он пойдёт – с Сашей Кирпичёвым. Мы уже договорились.

Дарья ШАНИНА
Фото Сергея Калинина

Скажи «Спасибо» - выбери «Человека октября»

Все мы, жители Костромской области, одна большая семья. И нам всем действительно есть за что благодарить тех, кто живет рядом, будь то фельдшер родного ФАПа, любимая учительница, старший по дому, социальный работник или местный участковый, а также ваши друзья, соседи и коллеги. Теперь свое «спасибо» в их адрес вы можете сказать громко, так, чтобы услышали все. Сделать это поможет «Северная правда» - газета для каждого жителя области. Каждый месяц человеку, получившему максимальное количество ваших благодарностей, присваивается почетное звание «СП» - «Человек месяца», а в газете ему посвящается отдельный журналистский материал. Свои «спасибо» (короткое сообщение из двух-трех предложений с фамилией, именем и отчеством заслужившего благодарности человека и вашими контактными данными) присылайте по адресу: 156000, г. Кострома, ул. Свердлова, д.2, редакция газеты «Северная правда» (с пометкой «Спасибо») или по электронной почте: sevpravda1907@yandex.ru

